

ОДИССЕЙ

2008

Script/Oralia: взаимодействие
устной и письменной традиций

Ночь как объект
исторической науки

Историческая наука
и «порядочные люди»

Карьерные стратегии
монархии Габсбургов

НАУКА

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, Г.В. БОНДАРЕНКО, И.Г. ГАЛКОВА, И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ,
Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА, К.А. ЛЕВИНСОН,
С.И. ЛУЧИЦКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
С.В. ОБОЛЕНСКАЯ,
А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА, Л.П. РЕПИНА,
А.В. ТОЛСТИКОВ (ответственный секретарь), П.Ю. УВАРОВ,
Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Ж.-К. ШМИТТ,
О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук Т.Н. ДЖАКСОН,
доктор исторических наук В.Я. ПЕТРУХИН

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М. :
Наука, 1989 – .

2008 : Script/Oralia: взаимодействие устной и письменной традиций в
Средние века и раннее Новое время / [гл. ред. А.О. Чубарьян]. – 2008. –
483 с. – ISBN 978-5-02-036740-1.

Юбилейный двадцатый выпуск альманаха “Одиссей” открывается разделом, посвященным анализу трансформаций, которые происходят с устной традицией в ситуации конфликта и взаимодействия с традицией письменной, в частности в условиях билингвизма при переводе с одного языка на другой и в эпоху книгопечатания, когда печатное слово начинает проникать в сферу устного и наоборот. Другие разделы сборника посвящены сравнительным исследованиям, истории представлений о времени, социальной истории, проблемам анализа словесных и визуальных образов в культуре. Публикация номера – текст гомилии блаженного Августина на один из стихов 120-го псалма. Традиционно значительное место уделено рецензиям и обзорам новой литературы.

Для историков, историков культуры, студентов, специалистов-гуманитариев и более широкого круга читателей.

Темплан 2009-I-238

ISBN 978-5-02-036740-1

- © Институт всеобщей истории РАН, 2008
- © Лучицкая С.И., составление, 2008
- © Коллектив авторов, 2008
- © Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, оформление), 1989 (год основания), 2008
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	5
------------------	---

SCRIPT/ORALIA: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ В СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

<i>С.И. Лучицкая</i> ВВЕДЕНИЕ	7
<i>А.Л. Топорков</i> МАГИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ В УСТНЫХ И РУКОПИСНЫХ ТРАДИЦИ- ЦИЯХ РОССИИ XVII–XVIII ВВ.	13
<i>С.И. Лучицкая</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ В ХРОНИКАХ И CHANSONS DE GESTE ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА.	29
<i>О.И. Тогоева</i> “УПОВАЮ НА НЕГО И НЕ БОЮСЬ...” (ИС. 12: 2). ПРЯМАЯ РЕЧЬ ЖАННЫ Д’АРК НА ПРОЦЕССЕ 1431 г.	62
<i>София Менаше</i> УСТНАЯ ТРАДИЦИЯ В ХРОНИКАХ: ТЕКСТЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ (перевод с английского С.И. Лучицкой)	81
<i>Мари-Кристин Вароль</i> ТРАДИЦИЯ ТЕКСТОВ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ВЕЛИКОМ В СОВРЕМЕН- НЫХ ЕВРЕЙСКО-ИСПАНСКИХ ПОСЛОВИЦАХ (перевод с француз- ского С.И. Лучицкой)	105
<i>А.А. Котомина</i> “ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ПРЯХ”: ОПЫТ ЗАПИСИ ПОВЕРИЙ В УСЛОВИЯХ ОСВОЕНИЯ НОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ	138
<i>М.И. Василенко</i> ТРАДИЦИОННАЯ АРАБСКАЯ ПОЭЗИЯ: К ПРОБЛЕМЕ СООТНО- ШЕНИЯ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ	155
<i>Г.А. Попова</i> КТО ГОВОРИЛ НА АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ В ХРИСТИАНСКОМ ТОЛЕ- ДО? (СФЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРАБСКОГО ЯЗЫКА В ТОЛЕДО XII–XIII ВВ.)	165

<i>С.И. Лучицкая</i>	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	178

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Г.В. Бондаренко</i>	
НИВЕРНО-ROSSICA: “ЗНАНИЕ В ОБЛАКАХ” В ДРЕВНЕИРЛАНДСКОЙ И ДРЕВНЕРУССКОЙ МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ...	182
<i>П.В. Лукин</i>	
ДРЕВНЕРУССКИЙ “ПОТОК И РАЗГРАБЛЕНИЕ” В СВЕТЕ GERMANСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ	196

ВРЕМЯ САКРАЛЬНОЕ – ВРЕМЯ МИРСКОЕ

<i>Ален Кабантус</i>	
НОЧЬ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ (ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА XVII–XVIII вв.) (<i>перевод с французского И.К. Стаф</i>)	211

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

<i>О.В. Хаванова</i>	
КАРЬЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ В МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. В ЗЕРКАЛЕ ОБРАЩЕНИЙ НА ВЫСОЧАЙШЕЕ ИМЯ	230

СЛОВО И ОБРАЗ В КУЛЬТУРЕ

<i>О.Ф. Кудрявцев</i>	
“ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ САТУРНОМ”: АСТРАЛЬНАЯ МАГИЯ МАРСИЛИЯ ФИЧИНО	251
<i>И.Г. Галкова</i>	
“АКВИТАНСКИЙ ВСАДНИК” И АКВИТАНСКИЕ АРИСТОКРАТЫ: К ВОПРОСУ О СВЕТСКОМ ЗАКАЗЕ ЦЕРКВЕЙ В XII в.	275

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

<i>С.Л. Козлов</i>	
ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И “ПОРЯДОЧНЫЕ ЛЮДИ”: МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ КОММЕНТАРИЯ К “АПОЛОГИИ ИСТОРИИ”	302

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ДЕБАТЫ

<i>Питер Бёрк</i>	
“ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ПОВОРОТ” В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (<i>перевод с английского К.А. Левинсона</i>)	337

Е.Е. Савицкий

“ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ПОВОРОТ” В ИСТОРИОГРАФИИ – ДРУГИЕ ВЕРСИИ (КОММЕНТАРИЙ К СТАТЬЕ ПИТЕРА БЁРКА)	355
---	-----

ПУБЛИКАЦИИ

С.А. Степанцов

“УЖЕ ОСВЕЩЕНЫ ГОРЫ”: ПС 120: 1 У АВГУСТИНА И ЕГО ПРЕД- ШЕСТВЕННИКОВ	367
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

К.А. Левинсон

ТАКАЯ РАЗНАЯ УСТНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Nitхаммер Л.</i> Фрагменты немецкой памяти. М. (в печати). Книга погро- мов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918–1922 гг.: Сб. док-тов / Отв. ред. Л.Б. Милякова и др. М., 2007	382
---	-----

С.И. Лучицкая

ВОСПРИЯТИЕ НОЧИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

L’imaginaire de la nuit au Moyen âge / Études réunies par J. Dufournet et F. Dubost // Revue des langues romanes. 2002. Т. 106, N 2	409
--	-----

О.Е. Кошелева

ВОЛОВЬИ ЛУЖКИ И СИБИРСКИЕ ПРОСТОРЫ

<i>Kivelson V.</i> Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth- Century Russia. Ithaca (N.Y.), 2006	417
---	-----

А.В. Толстиков

СЕЛЬСКИЙ ПРИХОД ПОСЛЕ “ОХОТЫ НА ВЕДЬМ”

<i>Lennerstrand M., Oja L.</i> Livet går vidare: Älvdalen och Rättvik efter de stora häx- processerna 1668–1671. [Hedemora], 2006	430
--	-----

ХРОНИКА

А.В. Свешников, Б.Е. Степанов

ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ (К 20-ЛЕТИЮ “ОДИССЕЯ”)	444
---	-----

М.Ю. Парамонова

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ А.Я. ГУРЕВИЧА	457
-----------------------------------	-----

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЕЖЕГОДНИКЕ “ОДИССЕЙ” ЗА 1999–2008 ГОДЫ	461
--	-----

SUMMARIES	471
-----------------	-----

IN MEMORIAM

Юрий Павлович МАЛИНИН (1946–2007)	476
---	-----

CONTENTS

To the reader	5
---------------------	---

SCRIPT/ORALIA: THE WRITTEN AND THE ORAL IN THE MIDDLE AGES AND EARLY MODERN TIME

S.I. Luchitskaya

INTRODUCTION	7
--------------------	---

A.L. Toporkov

MAGIC TEXTS IN THE 17 TH - AND 18 TH -CENTURY RUSSIAN ORAL AND HANDWRITTEN TRADITION	13
---	----

S.I. Luchitskaya

THE INTERPLAY OF THE ORAL AND THE WRITTEN IN CHRONICLES AND CHANSONS DE GESTE OF THE FIRST CRUSADE	29
---	----

O.I. Togoeva

'FIDUCIALITER AGAM ET NON TIMEBO' (ISAIAS 12: 2). JOAN OF ARC'S DIRECT SPEECH AT THE 1431 TRIAL	62
--	----

S. Menache

ORALITY IN CHRONICLES: TEXTS AND HISTORICAL CONTEXTS	81
--	----

M.-Chr. Varol

TEXTUAL TRADITION OF ALEXANDER THE GREAT IN MODERN JUDEO-SPANISH PROVERBS	105
--	-----

A.A. Kotomina

THE GOSPELLES OF DYSTAUES: ASSIMILATING NEW KNOW-HOW AND WRITING DOWN POPULAR BELIEFS	138
--	-----

M.I. Vasilenko

THE ORAL AND THE WRITTEN IN TRADITIONAL ARABIC POETRY	155
---	-----

G.A. Popova

WHO SPOKE ARABIC IN CHRISTIAN TOLEDO? (THE USE OF ARABIC IN 12 TH - AND 13 TH -CENTURY TOLEDO)	165
---	-----

S.I. Luchitskaya

CONCLUSION	178
------------------	-----

COMPARATIVE HISTORY

G.V. Bondarenko

HIBERNO-ROSSICA: 'KNOWLEDGE IN THE CLOUDS' IN OLD IRISH AND OLD RUSSIAN MYTHOPOEIC TRADITIONS	182
--	-----

P.V. Lukin

THE OLD RUSSIAN <i>POTOK I RAZGRABLENIE</i> AND ITS GERMANIC PARALLELS	196
--	-----

TIME SECULAR AND SACRED

A. Kabantus

NIGHT AS SUBJECT OF HISTORICAL RESEARCH (WESTERN EUROPE, 17 TH –18 TH CENTURIES)	211
--	-----

SOCIAL HISTORY

O.V. Khavanova

CAREER STRATEGIES IN THE 18 TH -CENTURY HABSBERG MONARCHY IN THE MIRROR OF PETITIONS TO THE MONARCH	230
--	-----

WORD AND IMAGE IN CULTURE

O.F. Kudryavtsev

‘IMPRINTED BY SATURN’: MARSILIO FICINO’S ASTRAL MAGIC	251
---	-----

I.G. Galkova

THE ‘AQUITAINIAN HORSEMAN’ AND AQUITAINIAN NOBLES: TOWARDS THE QUESTION OF LAY PATRONAGE OF THE 12 TH -CENTURY CHURCH BUILDING	275
---	-----

HISTORIAN AND TIME

S.L. Kozlov

THE HISTORICAL RESEARCH AND THE <i>HONNÊTES GENS</i> : TOWARDS AN EXPLICATIVE COMMENTARY TO MARC BLOCH’S <i>APOLOGIE POUR L’HISTOIRE</i>	302
--	-----

DISCUSSIONS ON HISTORIOGRAPHY

P. Burke

THE PERFORMATIVE TURN IN RECENT CULTURAL HISTORY	337
--	-----

Ye.Ye. Savitsky

‘THE PERFORMATIVE TURN’ IN HISTORIOGRAPHY: OTHER VERSIONS (A COMMENTARY ON PETER BURKE’S ARTICLE)	355
---	-----

PUBLICATIONS

S.A. Stepantsov

- 'IAM ILLUMINATI SUNT MONTES': PSALM 120: 1 IN AUGUSTIN'S AND HIS PREDECESSORS' WRITINGS 367

BOOK REVIEWS

K.A. Levinson

ORAL HISTORY THE MANIFOLD

- Niethammer L.* Fragmenty nemetskoy pamyati. Moskva (forthcoming); Kniga pogromov. Pogromy na Ukraine, v Byelorussii i v evropeyskoy chasti Rossii vo vremya Grazhdanskoy voyny 1918–1920 gg. Sbornik dokumentov / Otv. red. L.B. Milyakova i dr. Moskva, 2007 382

S.I. Luchitskaya

THE PERCEPTION OF NIGHT IN THE MIDDLE AGES

- L'imaginaire de la nuit au Moyen âge / Etudes recueillies par J. Dufournet et F. Dubost // Revue des langues romanes.* 2002. T. 106. N 2 409

O.Ye. Kosheleva

OXEN MEADOWS AND THE VAST TRACTS OF SIBERIA

- Kivelson V.* Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth-Century Russia. Ithaca (N.Y.), 2006 417

A.V. Tolstikov

LIVING ON IN A RURAL PARISH AFTER THE WITCH HUNT

- Lennerstrand M., Oja L.* Livet går vidare: Älvdalen och Rättvik efter de stora häxprocesserna 1668–1671. [Hedemora], 2006 430

CHRONICLE

A.V. Sveshnikov, B.Ye. Stepanov

- TWENTY YEARS AFTER (THE 20TH ANNIVERSARY OF *ODYSSEUS*) 444

M.Yu. Paramonova

- AARON GUREVICH MEMORIAL READINGS 457

- INDEX OF ARTICLES PUBLISHED IN *ODYSSEUS* IN 1999–2008 461

- SUMMARIES 471

IN MEMORIAM

- Yuriy Pavlovich MALININ (1946–2007) 476

М.И. Василенко

ТРАДИЦИОННАЯ АРАБСКАЯ ПОЭЗИЯ: К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ*

Арабская культура явила, пожалуй, один из наиболее ярких примеров того, как сильно могут разойтись устная и письменная традиции. Классический (литературный) арабский язык, сформировавшийся в Средние века, остается языком художественных и научных произведений, периодической печати, деловой переписки и международного общения в пределах арабского мира. Местные же диалекты, используемые в повседневном общении, практически не знают письменной фиксации и непонятны человеку, учившему лишь литературный язык. Безусловно, бытовая переписка на диалектах ведется, но в официальной печати встретить их сложно. Исключение может составить речь, нашедшая письменное отображение в произведениях современной литературы при передаче диалогов между героями. Кроме того, разговорный язык зачастую фиксируется графически на карикатурах в арабских газетах, если в “облачках” передаются слова персонажей. Но самое главное – издается создаваемая в племенной среде устная поэзия, собранная филологами и краеведами. Издания обычно снабжены обширными комментариями на литературном языке, чтобы стихи могли понять арабы-горожане в разных странах.

В традиционной арабской культуре, где уровень грамотности довольно низок, устная традиция сохраняет первостепенное значение, оставаясь главным механизмом передачи и воспроизводства духовного наследия. При этом даже в племенной среде в наши дни устная традиция едва ли отделима от письменной. Они сосуществуют и влияют друг на друга в историографии, юриспруденции (сочетание кодифицированного права – фикха и некодифицированного обычного права), различных аспектах соционормативной культуры. М.А. Родионов отмечает, что в Южной Аравии договорные отношения фиксируются и устно, и письменно не только в среде оседлых земледельцев, но также и у бедуинов¹. Поэзия остается одной из наиболее интересных сфер взаимодействия устной и письменной традиций.

* * *

Как ни странно, именно неграмотным кочевникам мир обязан появлением языка, на котором уже в VIII–IX вв. создавались шедевры письменной арабской литературы. Это стало возможным благодаря устной поэзии. Стихи доисламских бедуинских поэтов – самые ран-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, исследовательский грант № 07-04-00383а.

ние образцы языка, впоследствии ставшего классическим литературным. Претерпеть серьезные изменения при устной передаче стихов язык не мог, поскольку был подчинен ритму и рифме. С VIII в. лучшие образцы доисламской поэзии, бытовавшей изустно, собирались и записывались филологами. В то же время язык доисламских прозаических рассказов отличается от стихотворного, поскольку в период устной передачи (около 200 лет, с середины VI по середину VIII в.) подвергся значительным изменениям². Итак, именно благодаря стихам классический язык сохранился до нашего времени почти в том виде, в каком бытовал в VI–VII вв. в бесписьменной форме.

Другой вопрос – почему расцветавшее в VIII–IX вв. в городах по всей территории Халифата письменное литературное творчество создавалось именно на языке неграмотных бедуинов? Причина – распространение ислама. Вместе с новой религией бедуины, стоявшие на более низком уровне культурного развития, нежели жители покоренных ими стран, сумели внедрить свой язык и свои художественные вкусы. «Огромный мусульманский мир от Испании до Индии как бы “забыл” (по крайней мере, на время) свою собственную древность и признал древнеарабское словесное искусство в качестве своей коллективной античности», – писал об этом И.М. Фильштинский³.

Древние бедуинские поэты использовали для своих стихов койне, понятное всем жителям полуострова. Поскольку между кочевыми племенами происходил постоянный культурный обмен, в том числе – обмен стихами, язык поэзии сложился на основе различных диалектов и вобрал в себя лексику разных племен. Этим обусловлена богатая синонимика классического арабского языка. Начав проповедовать в 20-е годы VII в., пророк Мухаммад использовал межплеменной койне, чтобы его идеи широко распространялись среди арабов. Итак, язык доисламской поэзии единообразен и близок к языку Корана.

С распространением ислама арабский язык стал оружием культурной интеграции народов Халифата. Коран, передававшийся сначала изустно и записанный в конце VII в., был образцом, от норм которого нельзя было отступать ни в чем. Касалось это не только идеологических догм, содержащихся в тексте, но и языка, на котором этот текст был создан. Язык Корана воспринимался как совершенный, а поскольку доисламская поэзия была создана на том же языке, что и Священная книга, ее язык также считался образцовым. Устное творчество бедуинов и их речь стали источником для распространявшегося литературного языка, когда его потребовалось кодифицировать. На всей территории Халифата арабский язык стал универсальным не только для богословия, но также для делопроизводства, деловой и частной переписки; использовался он и для международного общения. Неарабские народы должны были овладеть образцовым языком, в первую очередь чтобы понимать Коран.

Когда в VIII в. филологи начали составлять первые грамматики литературного арабского языка, одного лишь текста Корана оказалось недостаточно. Тогда-то они и обратились к устной бедуинской поэзии. Именно тогда ее стали собирать и тщательно записывать. Кроме того, для разрешения спорных вопросов составители нормативных грамматик обращались к живой речи кочевников.

* * *

В доисламские времена устная поэзия в Аравии была удобным и надежным способом хранения и передачи информации. Исключительно велика была социальная роль поэта и поэтического слова: устной поэзии приписывалась магическая сила, стихи были орудием для разрешения социальных конфликтов, использовались для воспитания ценностей, защиты чести племени, выполняли функции прессы. В племенной среде эта культурная ситуация сохранялась на большей части Аравийского полуострова до XX в., а в некоторых районах наблюдается и по сей день. Живучесть устной традиции была обусловлена ее практической значимостью в обществе, мало затронутом модернизацией. Наиболее сильным доказательством этого служит тот факт, что в бедуинской среде устная поэзия стала исчезать в XX в. именно оттого, что потеряла в условиях модернизации свое практическое значение.

Вместе с устной речью язык племенной поэзии за полтора тысячелетия очень сильно изменился. Зная один лишь литературный арабский язык, невозможно понять современную бедуинскую поэзию. Однако если досконально вникнуть в содержание текста, останется лишь удивиться тому, как хорошо сохранились почти за полторы тысячи лет композиция, поэтические каноны, формулы и образная система. Это объясняется тем, что среда создания и бытования стихов изменилась мало. Там, где племенная поэзия нужна благодаря своей функциональности, она нужна именно в том виде и качестве, в каком создавалась веками.

Совсем другое дело – городская поэзия. Будучи письменной, она из века в век создавалась (и создается сегодня) на литературном языке, некогда подаренном миру неграмотными бедуинами. Во всем остальном, кроме языка, городская поэзия довольно быстро отошла от племенной традиции. Реалии кочевой жизни, с которыми та была тесно связана, были непонятны горожанину. Среди жанров устного бедуинского творчества в рамках письменной традиции какое-то время была востребована лишь поэма-касыда. Жанр использовался в основном для восхвалений, а потому был востребован при дворах халифов, эмиров и султанов. Бедуинские реалии, сохранявшиеся в поэме (например, в традиционных описаниях путешествия через пустыню), были не просто данью традиции. Они были нужны для того, чтобы связать в сознании слушателя героическое арабское прошлое

с прославляемым лицом⁴. Таким образом, устная традиция какое-то время влияла на письменную.

Со временем устная поэзия племен и письменная поэзия городов разошлись окончательно. Поэма, которую современный горожанин готов назвать “касыдой”, имеет очень мало общего с канонической древней касыдой. Но современная племенная касыда, в которой жива древняя устная традиция, подверглась влиянию традиции письменной. Эстетика жанра допускает запись стихов, и на то есть, по меньшей мере, две причины.

Во-первых, касыда – “высокий” жанр. В племенном арабском обществе XX в. “поэтом” назывался лишь тот, кто слагал искусные касыды. Жанр требует стремления к литературному языку. Поэт старается использовать как можно меньше диалектных грамматических конструкций и как можно больше слов из классического арабского языка, бытующего в письменной форме. Таким образом, необходимость слагать касыды стимулировала поэта к чтению. Вторая причина – форма касыды. Как правило, длина поэмы составляет 20–60 строк. Владение грамотой и запись стихов позволяют поэту тщательно проработать произведение крупной формы. Сказанное касается, в первую очередь, поэтов в земледельческих племенах Южной Аравии. Справедливости ради стоит сказать, что великий мастер касыды не обязательно должен уметь читать и писать⁵. Неграмотный поэт может попросить грамотного посланника, принесшего стихи на бумаге, читать их снова и снова. Если южноаравийский поэт записывает стихи, то он использует очень мало мнемонических формул. Они облегчают передачу устной поэзии, но не функциональны, если создается тщательно проработанное произведение. Формулы не позволяют поэме претендовать на литературный стиль.

В кочевой среде Аравии в XX в. касыды записывали очень редко. А. Мюзиль, фиксирующий культурную ситуацию в начале XX в., замечал, что каждый бедуин знает несколько поэм, но редко может досказать до конца хоть одну. Обычно он рассказывает ее и в определенный момент говорит, что дальше не помнит, но, наверняка, помнит кто-то другой. Если два бедуина знают одни и те же стихи, они никогда не расскажут их одинаково. При этом кочевники в касыдах стремятся к высоте стиля. Поэма считается тем лучше, чем больше в ней необычных слов, которые нельзя услышать в повседневной речи⁶.

* * *

Особенность касыды, благодаря которой в стихах этого жанра сочетаются устная и письменная традиции, – ее сложная композиция. По существу касыда – это вербальный обряд, состоящий из нескольких этапов, каждый из которых можно рассматривать как произведение особого жанра. В Аравии поэтический жанр тради-

ционно определяется не с точки зрения его содержания, а с точки зрения его функции в социальном контексте, т.е. важно не что исполняется, а где, когда и с какой целью⁷. Точно так же функция каждой части касиды относительно всей поэмы определяет стиль, к которому она относится. Для примера рассмотрим йеменскую касиду, относящуюся к жанру “зачин и ответ”. Он предполагает, что один поэт посылает поэму другому, а тот отвечает на нее своей. Каждая часть касиды-ответа должна отвечать соответствующей части касиды-зачина. Американский антрополог Флэгг Миллер, записавший текст поэмы, выделяет следующие композиционные части: 1) воззвание; 2) прелюдия; 3) путешествие посланника; 4) приветствие; 5) основное послание; 6) загадка; 7) заключительная просьба⁸.

Воззвание – это призывы к почитаемым силам. Поэт обращается к Аллаху и пророку Мухаммаду с просьбой сжалиться и простить. Также возможны призывы к более ранним пророкам и святым, призывы к собственному вдохновению. Сложение касиды – серьезное дело, и считается, что поэт свершает его по воле свыше. Нужно не прогневить Аллаха: почтить его, затем – Пророка, затем – праведного халифа Али. Поэту необходимо обратиться к своим эмоциям, без которых было бы невозможно стихосложение. У более религиозных поэтов воззвание может занимать до половины всей касиды. В этой части стихотворения поэты обычно проявляют знание Корана, откуда может быть взята строка, часто переделываемая, но так, чтобы ее можно было узнать. Вот текст возвания (строки 1–9):

- 1) Во имя Господа, убежища прошу у повелителя рассвета
Словами, что из тверди расколовшегося камня
 - 2) И от всего, что презирает, и от зла, что создает он
Как речью слаженной, так и совсем нескладной
 - 3) Слава Ему, сформировавшему вселенную из потока текучего,
Формы из позвоночника и грудной клетки.
 - 4) Молитесь за того, чей первый свет засиял среди них
Как огненный цветок, что создал он,
 - 5) Из которого он создал свет, кружащий по семи небесам,
Каждое из которых посещает ангел, достигая гармонии.
 - 6) Любящие верующие, они любили огонь огней, которые кто-то
направлял сиять,
- Следуя за пророком огней, чьи щеки блистали.
- 7) Да будь доволен его спутниками, Абу Бакром, что праведен,
Его родом и друзьями, что истинно верны,
 - 8) Да будь доволен Али, в чьей руке сверкающий меч,
Что обратил вспять атакующие войска неверных,
 - 9) Их жилища порушил, пожег и побил,
Истуканов он их поломал и разбил.
 - 10) Молвит юноша, брат Хади: людям тесно
Засильем и веленьями властей потеснены.

Первые два стиха касыды опираются на первые два стиха 113 суры Корана. Далее, опираясь на 86 суру (стихи 6–7), поэт воздает хвалу Аллаху как сотворившему людей из потока воды, бравшего начало меж позвоночником и грудной клеткой. Мухаммад также описан по исламской традиции, согласно которой он еще до Адама появился в виде столба света, растворившегося в семи небесах, каждое из которых охранялось ангелом. Поскольку воззвание – это в некотором роде молитва, она создается на языке, как можно более приближенном к литературному. Благодаря тому, что касыды отчасти создаются на этом языке и зачастую записываются, поэмы этого рода объединяют представителей традиционного общества и жителей городов, которые также могут оценить стихи.

Миллер объясняет наличие возвания в касыдах жанра “зачин и ответ” тем, что жанр развивался в среде мусульманских ученых. Когда в этом жанре стали творить шейхи и поэты, религиозное воззвание редуцировалось, уступая место политической проблематике или любовной лирике. Многие современные поэты, стремящиеся, в первую очередь, сделать в стихах политическое или социальное заявление, свели эту часть к минимуму. Важно, что для верхушки сельского населения, пишущей касыды, близкое к письменному арабскому языку воззвание – это возможность подчеркнуть свою связь с ученым сословием городов.

Десятая строка, выделенная на фоне первых девяти, – это так называемая прелюдия. Воззвание наметило переход к сути и не случайно заканчивается упоминанием праведного халифа Али, прославившегося способностью карать нечестивых. Прелюдия, где означен злободневный вопрос – коррупция, – это 10-я строка, рифмующаяся с 9-й – последней строкой возвания.

Прелюдия состоит из двух полустуший, в первом из которых поэт называет себя или приветствует тех, к кому обращается, а во втором обозначает проблему. Если бы эти два полустушия не были включены в состав поэмы, то могли бы существовать самостоятельно в качестве *замилла*. Данным термином обозначается короткое (обычно – одна строка) стихотворение-клич, содержащее социальное или политическое заявление. Стихи такого рода обычно создаются поэтом спонтанно. В первом полустушии положено называть себя (или свое племя, если заявление делается от группы родственников). В данном случае поэт называет себя “юношей” (это штамп) и обозначает свое прозвище. “Братом” он называет себя, чтобы подчеркнуть приверженность исламским ценностям (все мусульмане – братья по вере). Поскольку *замил* – устный жанр, а прелюдия по существу представляет собой именно *замил*, то естественно, что эта часть касыды обычно носит устный характер. Даже если текст поэ-

мы передается не устно, а письменно, прелюдия исполняется в манере *замилла*, а значит – на разговорном языке. После прелюдии следует часть поэмы, посвященная путешествию посланника:

- 11) О путник, что преодолевает все преграды!
От любимых гнездышек, где кричат птенцы
 - 12) Доставь письмо до того, как опустятся сумерки,
Прибуди на территорию шейха, чьи намерения чистосердечны,
 - 13) Прочти *фатиху* над могилой святого проницательного предка
И домом дипломатии, проницательности и предвидения.
 - 14) Пять племенных подразделений, одно государство в затруднении,
Ночью держат они совет перед противостоянием бешенству.
 - 15) Твоя тропа лежит через Яхар, так как они [сыны] Сабы, они держат
совет в кругу.
- Их традиции подвергались нападению и совет.
- 16) Достигни Хамума, и проведи там день для вереницы.
Над кофейными деревьями и прекрасными крепостями,
 - 17) Поселись в доме проницательного, его клятва заслуживает доверия,
С шейхом Раге, чьи соглашения надежны.

Цитируемая касыда сочинена одним шейхом и адресована другому – шейху Раге Хайсему Бин Сабса. Шейх-адресат и те, кто вместе с ним услышал стихи, должны были остаться довольными тем, что посланный с касыдой человек молился на могиле святого. Для них значимо, что он проявил уважение к воинам региона Яхар, над которым главенствует шейх Бин Сабса (воинам высказана похвала). Также в поэме выражено восхищение красотами вади Хамум, где живет шейх-адресат. Прodelывая путь, значимый для адресата, текст приобретает в его глазах ценность. В этом практический смысл описания путешествия в наши дни. Таков же был смысл части, посвященной путешествию поэта через пустыню, в древних бедуинских касыдах. Как и в древних поэмах кочевников, в цитируемом произведении путешествие заканчивается похвалой адресату. Поскольку “путешествие посланника” – наследие арабской “античности”, эта часть поэмы создается на языке, близком к письменному литературному.

После наставлений посланнику, передавшему письмо и перед тем, как изложить суть дела, поэт передает приветствие. Эта часть касыды – не просто дань вежливости, но важный риторический акт. Сила и объем приветствия зависят от статуса адресата. Приветствие тем объемистей и интенсивней, чем сильнее поэт привержен племенной традиции. Сила приветствия достигается не только его объемом, но и традиционными метафорами, приветственными и хвалебными формулами. Посланник не просто передает приветствие вместе с письмом. Он должен передать приветы лично. Данная часть поэмы, даже если текст стихотворения записан, предназначена для устного исполнения и потому относится к устной традиции. Приветствие, как

и прелюдия, близко по стилистике к *замилу*, поскольку, как уже отмечалось выше, первое полустушие *замила* может содержать как представление своего племени, так и приветствие адресату этого короткого стихотворения-клича.

- 18) Мои приветствия Бин Хайсеу и тем, кто с ним в согласии,
Средь его братьев, сыновей и согласных с ним друзей,
19) С цветочной водой, исходящей от Хашимита (Мухаммада)
И духами из запакованной склянки.

Племенные поэты (особенно – бедуинские) часто для придания силы своим словам и для обозначения мощи своей речи сопоставляют ее с водными потоками или дождем. Что касается духов, то в Йемене они часто разбрызгиваются после обеда, чтобы освежить гостей и заглушить запах еды, стоящий в воздухе. Ниспослание духов в касыде играет ту же роль – освежающую, но символически.

После приветствий, согласно законам жанра, следует основная часть, суть поэмы, которая и должна передать слушающим мысль поэта, вызванную его взбудораженными чувствами. Смысл остальных частей касыды – соблюсти ритуал, необходимые приличия, выразить уважение к слушателям и заставить их уважать свои стихи. Все части поэмы, кроме основной, облачают мысль поэта в форму касыды, после чего эта мысль претендует на то, чтобы быть достойной понимания, и на то, чтобы ее разделяли. Поскольку цель поэмы и смысл передаваемого сообщения могут быть самыми разными, поэт на свое усмотрение (исходя из цели стихов) выбирает стиль для создания основной части.

В цитируемой поэме основная часть – жалоба на коррупцию во властных структурах. Ее величина – 15 строк – с 20-й по 35-ю. Вторая часть касыды – прелюдия – уже содержала обозначение этой проблемы. Основная часть следует после описания путешествия посланника и приветствий, но, воспринимая две эти части, слушатели уже знают, о чем пойдет речь, благодаря прелюдии. Если бы прелюдии не было, им пришлось бы длительное время слушать канонические части касыды, не имея представления, по какому поводу она создана, и это было бы нелепо. Так начинается основная часть:

- 20) А если он спросит, не говори о бесчестии и вражде,
О новостях их Йафи^c, о расколе и противоречии.
21) Настал день, призывающий их к алчности и кровопролитию,
Они желают раздора, или даже кровавого потока.
22) Скажи ему, чтобы посмотрел, что значат эти крики.
Водители грузовиков разрушают собственные дороги.
23) Он до сих пор в Абыяне, но столь грубое преступление произошло

вчера,

И даже сегодня офицер не начинает уголовное преследование.

- 24) Бин^c Атыййа украл деньги и ограбил Абыян,
И земли Куэйги, что за вор!

С тем чтобы мысль поэмы была окаймлена, за основной частью следует заключение и таким образом касыда приобретает законченную форму. Касыда может закончиться кратким отрывком, в котором поэт просит Бога простить ему грехи в день Страшного суда, а также призывает человечество молиться за пророка Мухаммада. Кроме того, заключение может копировать одну из строк воззвания – это один из наиболее верных способов придать поэме законченную форму (через циклическую композицию). К примеру, в цитируемой поэме заключение копирует седьмую строку стихотворения.

Между основной частью и заключением может присутствовать загадка. Эта часть свойственна жанру “зачин и ответ”, так как сочиняющий “зачин” загадывает, а поэт, пишущий ответ, отгадывает. По преданию, Балькыс, царица древнего йеменского государства Сабы, посылала загадки царю Соломону.

Загадка – жанр устного народного творчества, имеющий свою традицию. В Йемене есть обычай загадывать загадки во время дневного жевания ката. Если обратить внимание на этот обычай, большим смыслом наполняется приветствие, в котором на слушателей разбрызгиваются духи, – в реальной жизни это обычно происходит именно перед жеванием ката. Устная традиция, которой придерживается загадка, контрастирует с литературным стилем заключения. В цитируемой касыде загадка такова:

36) Загадываю загадку про верблюда, который с верблюдом согласен

Вместе с двумя верблюдами согласное создание.

37) Одно из них спросило верблюдицу, но каждое говорило,

И слова в Коране четко артикулированы.

Касыде-зачину отвечает касыда-ответ, в котором содержится отгадка:

27) Со времен нашего повелителя минувших дней Сулеймана,

Его, добившегося Балькыс в момент страсти,

28) Сказал он, одаренный мудростью и красноречием,

Что к ней сейчас он придет, явившись разгорающимся огнем.

Шейх, сочинивший касыду-ответ, не только угадал, что в образе двух верблюдов – Соломон и царица Савская Балькыс, но и блеснул своей эрудицией дальше, намекнув на их амурную связь.

Итак, именно племенная поэтическая традиция дала язык письменной литературе, появившейся в городах. В свою очередь письменная традиция, развившись, оказывала влияние на традицию устную, жизнь которой продолжалась в племенах.

- ¹ Родионов М.А. Этнография Западного Хадрамаута. М., 1994. С. 156.
- ² Гранде Б.М. Введение в сравнительное изучение семитских языков. М., 1998. С. 39.
- ³ Фильштинский И.М. История арабской литературы: V – начало X века. М., 1985. С. 11.
- ⁴ Фильштинский И.М. История арабской литературы: X–XVIII века. М., 1991. С. 21.
- ⁵ *Caton S. Peaks of Yemen I* Summon. L., 1990. P. 187.
- ⁶ *Musil A. The Manners and Customs of the Rwala Bedouins.* N.Y., 1928. P. 283.
- ⁷ Суворов М.Н. Народная поэзия и поэтический фольклор в земледельческой культуре Южной Аравии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001. С.7.
- ⁸ *Miller F. Inscribing the Muse: Political Poetry and the Discourse of Circulation in the Yemeni Cassette Industry.* 1996. P. 142.